

В.М. Смирин

СВОБОДА РАБА И РАБСТВО СВОБОДНОГО (К истории римского гражданского общества)

В данном сообщении хотелось бы остановиться на нескольких аспектах вопроса о связи понятий «свобода» и «рабство» с общей системой нравственных ценностей и социальной жизни римской гражданской общины.

Если в комедиях Плавта раб, служа объективно орудием наказания порока, выступает в традиционной маске существа, лишённого моральных принципов и, более того, выразителя своеобразной «антиморали» (хотя и тут ему противостоит раб-резонер, корректирующий его «философию»), то в римском стоицизме рубежа нашей эры понятия «рабского» и «свободного» отрываются от их социальных носителей. Свободный может быть «рабом» страстей, обстоятельств и т.п., а раб может обладать внутренней свободой. «Высокое» и «низкое» существуют вне зависимости от бытового фона. Так, раб-гладиатор, который в отхожем месте засунул себе в горло губку с нечистотами, чтобы покончить с собой и тем самым избежать рабской смерти на арене, уравнивается Сенекой с высоким образом самого Катона Утического (Ер. 70.19 sqq.). Но, когда дело доходит до социальной (как мы бы сказали) оценки рабов вообще, то они могут именоваться «потерянными и зловредными душами» (*animi perditii quoque noxiosi* – Sen. Ер. 70.27). Думается, что речь здесь идет не о «кризисе» системы ценностей и не о «противоречии» идеала и реальности, а о растущем осознании сложности их отношений, которое у разных авторов может проявляться по-разному в зависимости не только от их взглядов, но и от жанра, в котором они пишут. Если историк Тацит меньше пишет о рабах, чем философ Сенека, то разве не таково же соотношение между Горацием-одописцем и тем же Горацием – автором сатир? Во всяком случае рабство органически входит в круг тем римской литературы и философии. Уже одно это позволяет по-иному взглянуть на тезис о «внеположности» рабов гражданской общине.

Как же себе представлять эту «внеположность»? Как полное отсутствие точек соприкосновения? Вот у перегрина (т.е. чужестранца), с точки зрения римской гражданской общины, не должно было быть никакой связи (*nulla necessitudo*) с римлянами¹. Можно ли отнести эти слова и к рабам? Иначе говоря: представляли ли собой римские рабы аморфную массу, отданную на произвол «частного права» господ, или рабы при всей приниженности их положения были *интегрированной* частью общества, социального организма, структурирующим ядром которого была гражданская община?

Попробуем рассмотреть этот вопрос на материале юридических установлений и правовой мысли римлян. Наиболее существенное значение для нас будет иметь институт римского отпущенничества (точнее, некоторые его аспекты), но начнем мы не с него, а с «дихотомии Гая»²: «Все люди суть либо свободные, либо рабы». Эти понятия мыслятся как противостоящие друг другу. «Ибо, что так противоположно рабству, как свобода?»³. Свобода «неоценима»⁴, хотя ее можно приобрести выкупом⁵; свобода «не

¹ *Macrob. Sat. I. 6.12: libertinis vero nullo iure uti praetextis licebat ac multo minus peregrinis, quibus nulla esset cum Romanis necessitudo.*

² *Gai. I. 9: summa divisio de iure personarum haec est, quod omnes homines aut liberi sunt aut servi.* См. подробнее: *Смирин В.М.* Римское рабство глазами римлян (система и казус) // *Одиссей.* 1998. М., 1999. С. 99.

³ *Pap. 19 quaest. = D. 40. 5. 21: quid enim tam contrarium est servituti quam libertas?*

⁴ *Libertas inaeestimabilis res est (Paul. 2 ad ed. = D.50. 17. 106); cf. Paul. 13 ad Plaut. = D. 50. 17. 176. 1: infinita aestimatio est libertatis et necessitudinis.*

⁵ Ср., например: *Alf. 4 dig. = D. 40. 1. 6 (Servus pecuniam ob libertatem pactus erat et eam domino dederat...).*

может даваться на время»⁶, хотя мы встречаемся и со случаями, когда раб, получивший свободу, вновь терял ее. Наконец, свобода неделима – раб двух господ не может стать частично свободным в результате отпущения на волю одним из них⁷; равно как не может стать частично рабом тот, на кого свои претензии в суде заявляют сразу двое, но из них лишь один добивается своего, ибо «смешно думать, что тот наполювину уводится в рабство, а наполювину делается свободным». Такой раб либо остается в рабстве у второго господина, либо ему предоставляется возможность выкупиться⁸. Из всего этого следует, что по крайней мере теоретически состояние любого человека могло быть определено либо как свободное, либо как рабское. Среднего состояния правовая мысль Рима не знала. Но установить эту четкую поляризацию состояний еще не значило бы представить себе социальную и даже юридическую картину римского общества.

Эти столь противоположные состояния отнюдь не были разделены непреодолимой стеной, как, скажем, в Греции спартиаты и илоты. В Риме свободные и рабы не только принадлежали одному и тому же «смешанному» обществу – возможность перехода из одного состояния в другое, органичная для римского общества, порождала множество занятых ситуаций. Мы уже имели случай сказать, что в римском обществе судебный процесс о статусе (*causa liberalis*) был обычным явлением, и ему был уделен целый титул Дигест (40.12)⁹. Понятно, что когда оспаривался статус свободного человека, дело возбуждал тот, кто объявлял себя его господином. Но кто возбуждал дело о свободном статусе лица, фактически пребывавшего в рабстве?

В некоторых ситуациях свободным мог объявить себя сам раб (например, при разборе дела о совершенном или симулированном им уголовном преступлении: это вело к судебному разбирательству, и тут он мог заявить о своем свободном состоянии). Но в большинстве случаев человек, статус которого вызывал сомнение, не мог сам предъявлять свои претензии в суде, и поэтому иск от его имени возбуждал так называемый *adsertor libertatis*¹⁰. Если же «находящийся во владении в качестве раба» (*qui in possessione servitutis constitutus est*) не соглашался на тяжбу о своем статусе¹¹, например, потому что хотел нанести вред и себе самому, и своим родным (*genetis suo*), то считалось «справедливым» (*aequum est*) предоставить каким-нибудь лицам вести за него тяжбу. Что это за лица: прежде всего, отец, который мог заявить, что это его сын, *находящийся в его власти*, т.е. мог противопоставить власти предполагаемого господина – собственную, отеческую. Это означает, что закон предполагает случай, когда у римского гражданина (никто другой не мог иметь сына во власти) был сын, попавший в рабство. Но, хоть бы сын и не находился во власти отца, все равно отцу давалось то же право, ибо «всегда отец заинтересован, чтобы его сын не находился в

⁶ *Libertas ad tempus dari non potest (Paul. 12 quaest. = D. 40. 4. 33).*

⁷ *Communis servus ab uno ex sociis manumissus neque ad libertatem pervenit et alterius domini totus fit servus iure adcrendi (Fr. Dos. 10).*

⁸ *Duobus potentibus hominem in servitute pro parte dimidia separatim, si uno iudicio liber, altero servus iudicatus est, commodissimum est eo usque cogi iudices, donec consentiant: si id non continget, Sabinum refertur existimasse duci servum debere ab eo qui vicisset, cuius sententiae Cassius quoque est et ego sum, et sane ridiculum est arbitrari eum pro parte dimidia duci, pro parte libertatem eius tueri, commodius autem est favore libertatis liberum quidem eum esse, compelli autem pretii sui partem viri boni arbitrato victori suo praestare (Iul. 5 ex Minic. = D. 40. 12. 30).*

⁹ *Смирин. Ук. соч. С. 99.*

¹⁰ *Buckland W.W. The Roman Law of Slavery. The Condition of the Slave from Augustus to Justinian. Cambr., 1908 (repr. 1970). P. 655 ff.*

¹¹ Пример нежелания менять рабство на свободу встречается в рассказе Светония о грамматике Гае Мелиссе из Сполетия. Тот был свободнорожденным, но родители, поссорившись, подкинули его. Когда же спустя годы мать пыталась доказать, что он не раб, то сын, обласканный Меценатом (которому он был подарен), остался в рабстве, предпочитая настоящее свое положение тому, какое следовало ему по происхождению (*quamquam adserente matre permansit tamen in statu servitutis praesentemque condicionem verae originis anteposuit*). Вскоре он был отпущен на волю и вошел в доверие к Августу (*Suet. De gramm. et rhet. 21*).

рабстве»¹², и, с другой стороны, такое же право давалось сыну попавшего в рабство, «ибо немалое бесчестье для сына, если он имеет отца-раба»¹³, да и всем родичам¹⁴, так как рабство родичей «нас и печалит и оскорбляет»¹⁵.

Заметим, что до сих пор разговор шел о родстве, предположительно происходящем из законного брака, т.е. — о свободных и, видимо, гражданах, чей родственник оказался в рабстве. Но то же право предоставлялось и «природным», точнее, фактическим родственникам (т.е. таким, чье родство не происходило из законного брака): так отец мог судиться о сыне, которого он когда-то прижил в рабстве, а теперь доказывает, что тот потом был отпущен¹⁶. Такое право предоставлялось солдату¹⁷, чья семья всегда была «незаконной», так как права вступать в брак он не имел (по крайней мере, до времени правления Септимия Севера). Здесь же упоминаются «даже» женщины родственницы. И «даже» жена, которая не считалась «родственницей» и при браке *sine manu* не входила в фамилию мужа, тем не менее могла обратиться к претору¹⁸. Патроны также могли тягаться о статусе своих отпущенников¹⁹, если те были проданы в рабство без их ведома²⁰ (видимо, не потому, что с их ведома такая продажа могла бы состояться, а потому что, зная о ней, они обязаны были ей противодействовать), ибо «мы заинтересованы в том, чтобы иметь отпущенников и отпущенниц»²¹ (значит, праву предполагаемого господина здесь противопоставляется право патрона). А если из упомянутых лиц хотят возбудить дело сразу несколько, то выбор истца принадлежит претору²².

Итак, перед нами общество, где свободный член гражданской общины, свободно-рожденный или несвободнорожденный, мог иметь родственника, законного или только «природного», вдруг оказавшегося в рабстве. Здесь существенны две стороны вопроса.

Во-первых, кроме законного родства, оказывается, право считается и с рабским «природным» родством. Выходит, что хотя оно законом и не признавалось (ведь у отпущенника официально не было отца, а был лишь патрон), и все-таки признавалось. В этом контексте можно добавить, что «природное» родство считалось «законной причиной» (*causa iusta*) для манумиссии. Что это значит? Хотя для отпуска на волю с правами гражданства (о чем ниже) были установлены возрастные ограничения (касающиеся возраста как отпускаемого, так и отпускающего), при наличии «законной причины» они не были непреодолимым препятствием. Иными словами, гражданин, имев-

¹² Si quando is, qui in possessione servitutis constitutus est, litigare de condicione sua non patitur, quod forte sibi suoque generi vellet aliquam iniuriam inferre, in hoc casu aequum est quibusdam personis dari licentiam pro eo litigare: ut puta parenti, qui dicat filium in sua potestate esse: nam etiamsi nolit filius, pro eo litigabit. sed et si in potestate non sit, parenti dabitur hoc ius, quia semper parentis interest filium servitutem non subire (*Ulp.* 54 ad ed. = D. 40. 12. 1 pr.).

¹³ Versa etiam vice dicemus liberis parentum etiam invidiorum eandem facultatem dari: neque enim modica filii ignominia est, si parentem servum habeat (*ibid.*, § 1).

¹⁴ Idcirco visum est cognatis etiam hoc dari debere (*ibid.*, § 2).

¹⁵ *Gai.* ad ed. pr. urb. de liberali causa = D. 40. 12. 2: quoniam servitus eorum ad dolorem nostrum iniuriamque nostram porrigitur.

¹⁶ Amplius puto naturalibus quoque hoc idem praestandum, ut parens filium in servitute quaesitum et manumissum possit in libertatem vindicare (*Ulp.* 54 ad ed. = D. 40. 12. 3 pr.).

¹⁷ Militi etiam pro necessariis sibi personis de libertate litigare permittitur (*ibid.*, § 1).

¹⁸ Cum vero talis nemo alius est, qui pro eo litiget, tunc necessarium est dari facultatem etiam matri vel filiabus vel sororibus eius ceterisque mulieribus quae de cognatione sunt vel etiam uxori adire praetorem et hoc indicare, ut causa cognita et invito ei succurratur (*ibid.*, § 2; курсив мой. — B.C.).

¹⁹ Sed et si libertum meum vel libertam dicam, idem erit dicendum (*ibid.* § 3).

²⁰ Sed tunc patrono conceditur pro libertate liberti litigare, si eo ignorante libertus venire se passus est (*Gai.* ad ed. pr. urb. de liberali causa = D. 40. 12. 4).

²¹ Interest enim nostra libertos libertasque habere (*Ulp.* 54. ad ed. = D. 40. 12. 5 pr.).

²² Quod si plures ex memoratis personis existant, qui velint pro his litigare, praetoris partes interponendae sunt, ut eligat, quem potissimum in hoc esse existimat. quod et in pluribus patronis observari debet (*ibid.*, § 1).

ший у себя в рабстве «природных» сына, дочь, брата, сестру²³ – вообще любого кровного родственника²⁴, был свободен отпустить их на волю, независимо от своего (или их) возраста²⁵. Откуда у него брались такие родственники? Он сам или его отец могли прижить их с рабынями. Но возможно и другое. Отпускающий (несмотря на свою молодость) мог сам быть отпущенником, а родственников своих получить от бывшего господина в собственности (как бывало при отпуске с пекулием), чтобы он мог отпустить их сам. Так или иначе, речь идет об отпуске на волю «незаконных», «рабских» родственников с предоставлением прав гражданства. Сюда же следует отнести отпуск на волю рабыни *matrimonii causa* – т.е. для вступления с нею в законный брак (если по статусу господина ему «не зазорно (*indigne*) брать себе жену такого положения»²⁶ – брак с отпущенницей возбранялся сенатору). В этом случае с отпускающего бралась клятва, что он женится на отпускаемой в течение шести месяцев²⁷. Часто речь шла о легализации фактического брака, например, солдат, для которых это было обычным явлением. Но в Дигестах указывается и на такую возможность: даже женщина может отпускать мужчину-раба *matrimonii causa*, в том случае, если она отпущенница, а ее сожитель-раб был передан ей по завещанию (по которому и сама она была отпущена на волю)²⁸. Пополнение числа граждан таким путем не осуждалось, хотя для свободнорожденной брак с ее отпущенником и считался зазорным. Но об отпущенничестве с правами гражданства мы еще скажем.

Пока же спросим, откуда появлялись у римских граждан законные родственники или хотя бы отпущенники, попавшие в рабство? Наше удивление может возрасти, когда мы узнаем, что связанные с этими людьми иски отнюдь не всегда удовлетворялись. Мы сталкиваемся с весьма интересным явлением, по-моему, редко отмечаемым в литературе (по крайней мере исторической): оказывается, любой римлянин (ну, не сенатор, конечно) мог попасть в самое настоящее рабство и лишиться защиты закона. Причем не за долги (это запрещалось, и кабальный должник твердо считался свободным), не за преступление (это было особое дело и регламентировалось особо), а просто так, по несчастью стечению обстоятельств. Если кто бы то ни было – разбойники (*latrones, plagarii*), мошенники – продавали свободного человека как раба, то покупатель его не пользовался никакой защитой закона лишь в том случае, если он знал, что покупает свободного (D. 40. 12. 7.2; 40.12.16.2–4; 40.12.33), хотя незаконно он, конечно, мог достаточно долго эксплуатировать купленного, да и захваченного: обвинения по адресу богатых, чьи эргастулы полны свободными, – общее место у римских риториков. Покупатель мог возбудить против продавцов иск о том, что он не знал об истинном статусе купленного, и недаром герои Плавтова «Перса», продавая своднику свободную девушку, дабы его надуть и присвоить деньги, считают нужным предупредить сводника: она-де свободная, покупка на твоём риске²⁹. Заметим, что мошенничество такого рода, видимо, было обычным: Ульпиан пишет, что претор должен противодействовать «хитрости (*calliditati*) тех, кто, зная о своем свободном состоянии, со злым умыслом (*dolo malo*) позволили продавать себя за рабов»³⁰ и что в

²³ Si minor annis viginti manumittit, huiusmodi solent causae manumissionis recipi: si filius filiae frater sororve naturalis sit... (Ulp. 6 de off. procons. = D. 40. 2. 11).

²⁴ Ulp. 2 ad l. Ael. Sent. = D. 40. 2. 12: vel si sanguine eum contingit (habetur enim ratio cognationis).

²⁵ Cf. Cai. l. 18–19; 38 sqq.

²⁶ *Matrimonii causa* manumittere si quis velit et is sit, qui non indigne huiusmodi condicionis uxorem sortiturus sit, erit ei concedendum (Ulp. 2 de off. cons. = D. 40. 2. 20. 2).

²⁷ ...si matrimonii causa virgo vel mulier manumittatur, exacto prius iureiurando, ut intra sex menses uxorem eam duci oporteat: ita enim senatus censuit (Ulp. libro de off. procons. = D. 40.2.13).

²⁸ Sunt qui putant etiam feminas posse matrimonii causa manumittere, sed ita, si forte conservus suus in hoc ei legatus est (Marcian. 4 reg. = D. 40. 2. 14. 1).

²⁹ Plaut. Pers. 824–825: ac suo periculo is emat qui eam mercabitur: / mancipio neque promittit neque quisquam dabit («Кто купит, риск той купли на себя берет, / Ты в собственность не обещаешь, никто не даст»; пер. А. Артюшкова).

³⁰ Rectissime praetor calliditati eorum, qui, cum se liberos scirent, dolo malo passi sunt se pro servis venum dari, occurrit (Ulp. 55 ad ed. = D. 40. 12. 14pr.).

злом умысле виновен тот («будь то мужчина, будь то женщина», – добавлено из Павла³¹), кто «притворяется рабом и так себя продает для обмана покупателя»³². Заметим, что Плавта героиня и здесь очищена от упрека – она позволяет себя продать, подчиняясь отцовской власти, а тот, кто позволяет себя продать, «повинуясь силе или страху» «свободен от злого умысла»³³. Существенное, однако, другое: из приведенных цитат, видимо, следует, что и не зная о статусе продаваемого, первый покупатель свободного мог быть обманут. С этим иногда связывают постановление о том, что если продаваемый свободный старше 20 лет и получил часть цены, то он остается в рабстве³⁴. Бакленд и Бэрроу считают, что это постановление было принято для борьбы с мошенническими продажами³⁵, обычно же в нем видят разрешение самопродажи³⁶. Для нас его мотив сейчас, впрочем, безразличен.

Но вот, если первый покупатель, даже зная о статусе проданного, перепродавал его не знаящему, то капкан захлопывался. Проданный оставался рабом, и в иске о его свободе отказывали³⁷. Закон защищает право «добросовестного» покупателя, а не право проданного. Если даже перепродаваемого свободного покупают в общую собственность двое: знающий и незнающий, то первый теряет свои деньги, но второй получает раба «целиком»³⁸. Свободный мог попасть в рабство и другим способом: «Если я продам и передам тебе узуфрукт (т.е. право пользования) на свободного человека, тот, по словам Квинта Муция, делается рабом, но доминий (на него – *V.C.*) только в том случае будет моим, если я совершил продажу в доброй вере (*bona fide*), в противном случае он будет рабом без господина»³⁹. Этот путь порабощения свободного интересен тем, что свидетельство относится еще к *республиканскому времени* (Павел ссылается на Квинта Муция Сцеволу), т.е. нельзя пытаться увидеть в этом признаки разложения установлений гражданской общины.

Чем объяснить эту существовавшую в римском праве возможность порабощения свободных, притом римских граждан, причем без всякой их вины? Понять это с точки зрения нашей логики трудно, но, видимо, объяснение надо искать в значении принципов *bona fides* (доброй веры, т.е. добросовестного заблуждения) и *dolus malus* (злого умысла) в римском праве. Мы же пока ограничимся констатацией фактов.

Коль скоро речь зашла о «*bona fide*» и «*dolo malo*», заметим, что по римским

³¹ *Paul.* 51 ad. ed. = D. 40. 12. 15: (id est sive virilis sexus sive feminini sit, dummodo eius aetatis sit, ut dolum capiat).

³² ...qui finxit se servum et sic veniit decipiendi emptoris causa (*Ulp.* 55 ad ed. = D. 40. 12. 16 pr.).

³³ Si tamen vi metuque compulsus fuit hic qui distractus est, dicemus eum dolo carere (*Ulp.* 55 ad ed. = D. 40. 12. 16. 1).

³⁴ О правовой регламентации ситуации самопродажи см. *Morabito M.* Les réalités de l'esclavage d'après le Digeste. P., 1981. P. 72–74.

³⁵ *Buckland W.W.* Op. cit. P. 427–433; *Barrow R.H.* Slavery in the Roman Empire. L., 1928. P. 11 f.

³⁶ *Штаерман Е.М., Трофимова М.К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. (Италия). М., 1971. С. 23, 226.

³⁷ *Ulp.* 54 ad ed. = D. 40. 12. 7. 2: ... sed enim si postea alius eum emerit ab hoc, qui scivit, ignorans, deneganda est ei libertas: *Paul.* l.s. de liberali c. = D. 40. 12. 33: Qui sciens liberum emit, quamvis et ille se pateretur venire, tamen non potest contradicere ei qui ad libertatem proclamat: sed si alii eum ignoranti vendiderit, denegabitur ei proclamatio.

³⁸ Si duo liberum hominem maiorem annis viginti emerimus, unus sciens eius condicionem, alter ignorans, non propter eum qui scit ad libertatem ei proclamare permittitur, sed propter eum qui ignorat servus efficietur, sed non etiam eius qui scit, sed tantum alterius (*Paul.* l.s. ad SC Claud. = D. 40. 13. 5). Si duo simul emerint partes, alter sciens, alter ignorans, videndum erit, numquid is qui scit non debeat nocere ignoranti: quod quidem magis est. sed enim illa erit quaestio, partem solam habebit is qui ignoravit an totum? et quid dicemus de alia parte? an ad eum qui scit pertineat? sed ille indignus est quid habere, quia sciens emerit. rursus qui ignoravit, non potest maiorem partem dominii habere quam emit: evenit igitur, ut ei prosit qui eum comparavit sciens, quod alius ignoravit (*Ulp.* 54 ad ed. = D. 40. 12. 7. 3).

³⁹ Si usum fructum tibi vendidero liberi hominis et cessero, servum effici eum dicebat Quintus Mucius, sed dominium ita demum fieri meum, si bona fide vendidissem, alioquin sine domino fore (*Paul.* 50 ad ed. = D. 40. 12. 23 pr.).

понятиям и свободный мог пребывать на свободе *dolo malo*, и раб мог пребывать на свободе *sine dolo malo*⁴⁰. Первое имеет место тогда, когда свободный был украден в детстве и находился в рабстве *bona fide* (по добросовестному заблуждению господина и, по-видимому, своему), а потом «ушел» (т.е. бежал) и начал «тайком» (*clam*) жить на свободе (*in libertate morari*)⁴¹. Второе имело место, когда раб был отпущен на волю господином, который безосновательно считал его своим, или когда раб был воспитан как свободный⁴².

Итак, приведенный материал показывает, что полностью противоположные статусы свободы и рабства в римском обществе не только не были разделены непроходимой стеной, но сплошь и рядом не могли быть установлены с достаточной достоверностью. Недаром решение суда по делу об установлении свободного статуса формулировалось в осторожных выражениях «не кажется рабом» (*servus non videri* – D. 40. 12. 27. 1), а установление статуса свободнорожденного требовало особого расследования, и недаром на протяжении пяти лет после смерти можно было расследовать статус *умершего* (титул D. 40. 15: *Ne de statu defunctorum post quinquennium quaeratur*).

Четкая «дихотомия Гая» еще не приводит на практике к четкому отделению рабов от свободных. Напротив, можно, пожалуй, сказать, что она *осуществлялась* в не всегда успешных попытках разобраться в запутанной действительности. Статус конкретного человека мог быть только тем или другим. Но он не был неизменным, и установить его было порой нелегко. Можно говорить, что «идеальный» образ гражданской общины запутался и засорился в ходе ее развития. Но в «идеале» (если мы будем так именовать юридическую мысль) и в традиции связь римского рабства с гражданской общиной была, напротив, *более органичной*. Это можно показать на примере института отпущенничества. Попробуем сделать это кратко.

Речь идет о манумиссии с правами гражданства. Римская традиция считает этот институт изначальным, связывая его с Сервием Туллем как учредителем ценза⁴³. В так называемом Досифеевом фрагменте читаем: «Прежде существовала единая свобода и на волю отпускались виндиктой, завещанием или цензом, и отпущенным принадлежало римское гражданство»⁴⁴. «Досифеев фрагмент» – это отрывок из сочинения какого-то римского юриста, служивший для обучения греков латинскому языку⁴⁵. Видимо, не случайно для этого был выбран текст юридический, текст об отпущенниках и текст, уделяющий особое внимание предоставлению отпущенникам римского гражданства – т.е. институту, который был чужд греческому праву, по крайней мере «классического» времени.

На основании этого расхождения с греческими данными делались, а иногда делаются и сейчас попытки оспорить изначальность этого римского института и придумать повод для его «изобретения» в историческое время. Мы присоединяемся к тем историкам, которые не видят для этого никаких оснований.

Более того, у нас есть сведения, позволяющие предполагать, что древнейшее право римлян допускало отпущенника не только к римскому праву, но и к уравнению

⁴⁰ *Igitur sciendum est et liberum posse dolo malo in libertate esse et servum posse sine dolo malo in libertate esse (Ulp. 55 ad ed. = D. 40. 12. 12 pr.)*.

⁴¹ *Infans subreptus bona fide in servitute fuit, cum liber esset, deinde, cum de statu ignarus esset, recessit et clam in libertate morari coepit: hic non sine dolo malo in libertate moratur (ibid., § 1)*.

⁴² *Potest et servus sine dolo malo in libertate morari, ut puta testamento accepit libertatem, quod nullius momenti esse ignorat, vel vindicta ei imposita est ab eo, quem dominum esse putavit, cum non esset, vel educatus est quasi liber, cum servus esset (ibid., § 2)*.

⁴³ *Dionys. IV. 22. 4: ὁ δὲ Τύλλιος καὶ τοῖς ἐλευθερουμένοις τῶν θεραπόντων, ἐὰν μὴ θέλωσιν εἰς τὰς ἑαυτῶν πόλεις ἀπιέναι, μετέχειν τῆς ἰσοπολιτείας ἐπέτρεψε. κελεύσας γὰρ ἅμα τοῖς ἄλλοις ἄπασιν ἐλευθέροις καὶ τούτους τιμῆσθαι τὰς οὐσίας, εἰς φυλάς κατέταξεν αὐτοὺς τὰς κατὰ πόλιν τέτταρας ὑπαρχούσας...*

⁴⁴ *Antea enim una libertas erat et manumissio fiebat vindicta vel testamento vel censu, et civitas Romana competeat manumissis (Fr. Dos. 5)*.

⁴⁵ *См. Jörs. Fragmentum Dositheanum // RE. Bd 5 (1905). Sp. 1603–1606.*

его со свободнорожденными. Авл Геллий рассказывает нам об одном из юристов I в. н.э.: «Мазурий Сабин писал, что отпущенники вообще-то, согласно праву, могут быть усыновляемы свободнорожденными. Но он говорил, что это не дозволяется; да и вообще, как он полагает, никогда не следует дозволять, чтобы люди отпущеннического сословия через усыновление вводились в права свободнорожденных. В противном случае, – говорит он, – если считать эту правовую древность сохраняющей силу, то господин может через претора даже раба давать в усыновление (третьему лицу – *V.C.*). Большинство древних писателей-правоведов писали об этом, по его словам, как о возможном»⁴⁶. Усыновление отпущенников патроном впоследствии было формально запрещено, а «единая свобода» с правом гражданства сохранилась лишь для отпускаемых на волю с соблюдением всех формальностей (*iusta manumissio*). Отметим, что источники очень настойчиво подчеркивают связь предоставления гражданства с тем правом, на котором эти рабы принадлежали господину. Так, о древнейшем способе манумиссии – цензах – в Досифеевом фрагменте читаем: «Кто отпускается на волю цензом, если ему уже исполнилось 30 лет, получает римское гражданство. Но нужно, чтобы этот раб принадлежал отпускающему *по праву квиритов*, дабы он стал римским гражданином»⁴⁷.

В более поздние времена рабы, отпускаемые на волю, делились на три категории. Для низшей из них, «перегринов-дeditициев», как подчеркивает Гай, допуск к римскому или латинскому гражданству был закрыт, «даже если они принадлежали господам на полном праве (*pleno iure*)»⁴⁸. Чтобы раб стал римским гражданином, т.е. сам получил квиритское право (*ad ius Quiritium perveniat; ius Quiritium consequuntur* – *Gai. I. 32–35*), нужно было совпадение трех условий: 30-летний возраст, принадлежность господину *по праву квиритов*, законная (*iusta ac legitima*) манумиссия. Если одного из условий не доставало, раб получал латинское гражданство⁴⁹, из которого он мог потом перейти в римское.

Собственно, латинское гражданство для определенной категории отпущенников – прежде всего, отпущенных на волю без официальных формальностей – было учреждено при Тиберии. До этого они считались рабами, пребывающими на свободе по желанию господина и освобожденными только от «рабского страха» (*serviendi metu*)⁵⁰. Однако и это их положение не определялось частным образом, но охранялось претором⁵¹.

Вообще манумиссия имела две стороны: так сказать, негативную и позитивную. Первая сводилась к выходу раба из-под власти данного господина, и она была частной. Вторая, собственно, и давала свободу и диктовала последующий статус свободного, – и она определялась гражданской общиной, представленной претором, проконсулом или иным должностным лицом. «Частное соглашение, – читаем мы в Дигестах, – никого не может сделать ни рабом, ни чьим бы то ни было отпущенником»⁵². Можно привести

⁴⁶ *Libertinos vero ab ingenuis adoptari quidem iure posse Masurius Sabinus scripsit. Sed id neque permitti dicit neque permittendum esse umquam putat, ut homines libertini ordinis per adoptiones in iura ingenuorum invadant. «Alioquin», inquit «si iuris ista antiquitas servetur, etiam servus a domino per praetorem dari in adoptionem potest». Idque ait plerosque iuris veteris auctores posse fieri scripsisse (*Gell. 5. 19. 11–14*).*

⁴⁷ *Et qui censu manumittitur, si triginta annos habeat, civitatem Romanam nasciscitur... Sed debet hic servus ex iure Quiritium manumissoris esse, ut civis Romanus fiat (*Fr. Dos. 17*).*

⁴⁸ *Gai. I. 15: ...etsi pleno iure dominorum fuerint, numquam aut cives Romanos aut Latinos fieri dicemus...*

⁴⁹ *Nam in cuius personam tria haec concurrunt, ut maior sit annorum triginta et ex iure Quiritium domini et iusta ac legitima manumissione liberetur, id est vindicta aut censu aut testamento, is civis Romanus fit; sin vero aliquid eorum deerit, Latinus erit (*Gai. I. 17*).*

⁵⁰ *Fr. Dos. 4: ... dicitur de eis, qui inter amicos olim manumittebantur, non esse liberos, sed domini voluntate in libertate morari et tantum serviendi metu dimitti.*

⁵¹ *Fr. Dos. 5: hi autem, qui domini voluntate in libertate erant, manebant servi: sed si manumissores ausi erant in servitium denuo eos per vim ducere, interveniebat praetor et non patiebatur manumissum servire.*

⁵² *Conventio privata neque servum quemquam neque libertum alicuius facere potest (*Call. 2 quaest. = D. 40. 12. 37*).*

много примеров государственного регулирования отношений, связанных с рабством и отпущенничеством, но оставим это до другого раза.

Обусловленность положения отпущенника в гражданской общине принадлежностью его бывшего господина к этой гражданской общине, как считает, видимо, справедливо, ряд исследователей, коренится в древних италийских установлениях.

Таким образом, через посредство личности господина (во власти которого раб состоял и который мог сделать раба гражданином) раб оказывался опосредованно связан с гражданской общиной как своего рода латентный гражданин. Историк и ритор II в. н.э. Флор писал: «Позор войны с рабами еще можно перенести, ведь хотя фортуна подчинила их всему, они все же суть как бы второй разряд людей и даже приближаются к благам нашей свободы»⁵³. Эта фраза, видимо, представляет собой реминисценцию из Цицероновой речи за Бальба. Говоря о том, что римляне давали гражданство и бывшим врагам, Цицерон заключает: «...рабов наконец, чьи право и участь (*ius, fortuna, condicio*) – самые низкие, за заслуги перед республикой мы очень часто от лица государства (*publice*) дарили свободой, т.е. гражданством»⁵⁴.

Но вопрос об отпущеннике, о его свободе, его гражданстве нуждается в особом рассмотрении. В настоящем сообщении мы сочли необходимым коснуться также и этой темы для того, чтобы яснее обрисовать связь рабов с гражданской общиной, а соответственно – и их положение в римском обществе.

SLAVE'S LIBERTY AND FREE MAN'S SLAVERY

(Some Aspects of the History of Roman Civic Community)

V.M. Smirin

The paper tries to give a more precise outline of slaves' relation to the civic community (and thus of their position in Roman society) on the basis of Roman legal regulations and legal science.

Every man's status could be described, at least theoretically, either as that of a free man or a slave. Roman legal science knew no intermediate grade. Still, not only there was no blind wall between the opposite statuses of freedom and slavery, more often than not the status could not even be ascertained.

«Gaius' dichotomy» (*Gai. 1.9: omnes homines aut liberi sunt aut servi*) does not imply the sharp border between the two statuses in practice. Every man's status could be either free or servile, but it was not necessarily unchangeable and was sometimes hard to be proved. The possibility of transition from one to the other produced many curious situations; legal actions concerning the status (*causa liberalis*) was not uncommon, and a whole titulus of the *Digesta* (40.12) was dedicated to it. Jurist's writings portray a society where a free member of the civic community (freeborn or not) could have a relative, legal or only «natural», who was a slave. What is more, any Roman could become a slave and lose the protection of the law – not for a crime or debt, but as a result of an unfortunate coincidence. When such an unfortunate man was sold, the law, regulated by the principles of *bona fides* and *dolus malus*, sided with the good-faith buyer, not with the sold man.

The innate connection between Roman slavery and the civic community is better seen in the institution of manumission, which had both «negative» and «positive» aspects. The former concerned slave's liberation from his master's power and was private. The latter, determined by the civic community, consisted in the acquisition of liberal status from the praetor or other magistrate (cf. *Dig. 40. 12. 37*). The practice of granting Roman citizenship to freedmen had existed since the earliest times. There is even some evidence that the Roman law of the earliest times might have admitted the equalisation of a freedman's rights with the rights of a free-born citizen (*Gell. 5. 19. 1–14*).

Through his master (who had the power to make him citizen) a slave was connected with the civic community and turned to be a «latent» citizen. The slaves, in spite of their low status, constituted an integrated part of the society whose structural core was the civic community.

⁵³ Enimvero et servilium armorum dedecus feras; nam etsi per fortunam in omnia obnoxii, tamen quasi secundum hominum genus sunt et in bona libertatis nostrae adoptantur (*Flor. II. 8*).

⁵⁴ *Cic. Pro Balb. 24*: ... servos denique, quorum ius, fortuna, condicio infima est, bene de re publica meritos persaepe libertate, id est civitate, publice donari videmus.